

Они первыми входят в ад, или Тотальный заговор

Подписание Александром I и Наполеоном Тильзитского мирного договора

**Рыбас
Святослав
Юрьевич** —
председатель совета
директоров Русского
биографического
института, член Общественного совета
при Министерстве культуры
Российской Федерации.

*Продолжение.
Начало см. в № 1/2016,
с. 106–117*

Память о Павле

Так почему же был убит Павел? И тут мы должны углубиться в недавнюю для Николая II историю, в зеркале которой надо было найти отражение сегодняшних проблем. Еще у Льва Толстого в «Войне и мире» сказано: «Царь — раб истории».

Память о Павле была очернена дворянским общественным мнением — и не случайно. Этот император, вспльчивый, жаждущий справедливости, долго проживший под присмотром матери Екатерины Великой, которая, как он считал, узурпировала трон, едва не разорил первое сословие. Особенности его царствования проявились уже в день коронации, 5 апреля 1797 г., когда был издан новый закон о престолонасле-

Фото: РИА Новости / Б. Манушин. Репродукция картины В.И. Сурикова «Переход Суворова через Альпы в 1799 году», 1899 г. Государственный Русский музей

Павел I

Убийство Павла I

Александр I

дии: женское правление отныне не допускалось, престол переходил по праву первородства и только по мужской линии царствующего дома. Были освобождены польский революционер Т. Костюшко, масон Н.И. Новиков и критик режима А.Н. Радищев. Павел распорядился перезахоронить прах Петра III, что было воспринято как обвинение матери, убившей мужа и захватившей престол. Но это было только начало.

Особо следует рассмотреть причины вступления России в антифранцузскую коалицию — по пути в Египет Наполеон захватил Мальту, которой покровительствовал Павел I; император воспринял это как личное оскорбление и принял приглашение Англии и Австрии, пытаясь противопоставить идеям Французской революции идею христианского единства католицизма и православия под своим патронажем. Он принял титул маги-

стра католического Мальтийского ордена и предложил Папе Римскому перебраться в Россию. Казалось бы, при чем тут Мальта и Папа?

Дело в том, что Россия после «золотого века» Екатерины Великой, разгромив Османскую империю, завоевала Крым и укрепилась на подступах к Средиземноморью, ставшему ее важнейшей торговой и военной коммуникацией. Поэтому в декабре 1798 г. в пав-

Поход на Индию донского войска. 1801 г.

Парад при Павле I

ловском Петербурге был подписан русско-английский договор, по которому Россия обязалась направить в Европу 45-тысячную армию против французов, а Британия обеспечивала финансирование операции. Русскую армию в Европе возглавил фельдмаршал А.В. Суворов, как того потребовали англичане и австрийцы. Знаменитый полководец провел блестящую операцию, Италия в четыре месяца была освобождена. Затем последовал Швейцарский поход, во время которого австрийцы фактически бросили русские войска один на один с французами, и только благодаря героизму суворовской армии, потерявшей 23 тыс. солдат, удалось избежать разгрома. И чего в итоге добился Павел? Ничего.

Освобожденная от французов Италия была занята Австрией, Мальта захвачена Англией. Если по-прежнему опираться на этих ненадежных союзников, то потери будут еще больше.

Тем временем Наполеон предпринял попытку заключить мир, и Россия повернулась лицом к Франции. Не только отсутствие реальных противоречий, но и практические задачи по отношению к общему конкуренту — Англии — сближали эти

страны. Сложилась новая коалиция: Франция, Россия, Швеция, Пруссия, Дания, Голландия, Италия и Испания, силы которой были несравненно больше английских. Подписанный странами коалиции 4–6 декабря 1800 г. союзный договор фактически означал объявление войны Англии. Тогда Лондон отдал приказ захватывать суда, принадлежащие странам коалиции. В ответ Дания заняла Гамбург, а Пруссия — Ганновер. В Англию прекратился всякий ввоз товаров, многие порты в Европе для нее закрылись, нехватка хлеба грозила ей голодом. Тем временем российские войска готовились к походу в Европу.

И тут произошло событие, перевернувшее положение с ног на голову: восстание петербургской верхушки. Экономические интересы российских верхов вошли в противоречие с действиями императора. В описании будущего декабриста М. Фонвизина дело имело экономическую причину. «Павел, сперва враг французской революции, готовый на все жертвования для ее подавления, раздосадованный своими недавними союзниками, которым справедливо приписывал неудачи, испытанные его войсками... вдруг совершенно изме-

няет свою политическую систему и не только мирится с первым консулом Французской республики, умевшим ловко польстить ему, но становится восторженным почитателем Наполеона Бонапарта и угрожает войною Англии. Разрыв с нею наносил неизъясненный вред нашей заграничной торговле. Англия снабжала нас произведениями и мануфактурными, и колониальными за сырые произведения нашей почвы. Эта торговля открывала единственные пути, которыми в Россию притекло все для нее необходимое. Дворянство было обеспечено в верном получении доходов со своих поместьев, отпуская за море хлеб, корабельные леса, мачты, сало, пеньку, лен и пр. Разрыв с Англией, нарушая материальное благосостояние дворянства, усиливал в нем ненависть к Павлу, и без того возбужденную его жестоким деспотизмом. Мысль извести Павла каким бы то ни было способом сделалась почти всеобщей» [15].

Английский посланник в Петербурге Чарльз Витворт был деятельным участником заговора против Павла вместе с вице-канцлером Паниным и адмиралом де Рибасом; его любовница Ольга Александровна Жеребцо-

ва была родной сестрой участников заговора братьев Зубовых. Правда, Павел распорядился выслать посла, и тот из Копенгагена поддерживал связь с русскими дворянами.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Павел был убит гвардейскими офицерами в собственной спальне в Михайловском замке. Его сыновья Александр и Константин знали о заговоре, хотя не предполагали, что отца убьют.

Отметим роль армии. Николай Александрович, старший из екатерининских фаворитов братьев Зубовых, был женат на единственной дочери А.В. Суворова. Именно он в ночь на 12 марта 1801 г., когда заговорщики ворвались в спальню императора, ударил монарха в висок тяжелой золотой табакеркой. Суворов знал об антигосударственных планах офицеров и не донес. Алексей Ермолов, прославившийся на Кавказе, тоже знал; один из главных заговорщиков-декабристов Петр Каховский был его единутробным братом...

После убийства международная обстановка изменилась, исчез главный ее возмутитель.

Один из ближайших друзей нового императора Александра I Адам Чарторыйский раскрыл экономическую причину преступления: «Примирение России с Англией было непосредственным результатом смерти Павла. Война с этой державой, издавна богатейшим рынком для русского железа, хлеба, строевого леса, серы и пеньки, более всего восстановила общественное мнение против покойного императора. После его смерти нужно было во что бы то ни стало положить войне конец» [15].

Теперь англичанам следовало совершить последнее усилие, чтобы убедить русских начать борьбу с Наполеоном. Английский премьер Питт предложил

русскому посланнику Новосильцеву на военные расходы фантастическую по тем временам сумму в пять миллионов фунтов стерлингов, на какую, впрочем, стала претендовать и Австрия. Правда, Питт после проигранных русскими сражений при Аустерлице и Фридланде перестал платить и даже отказался дать лондонским банкирам правительственную гарантию русскому займу.

Последовало, к большому неудовольствию большинства русского общества, заключение Тильзитского мира с Наполеоном.

Экономические интересы российских верхов вошли в противоречие с действиями императора Павла.

Как отмечал М. Покровский: «Здесь Александру Павловичу впервые пришлось познакомиться не теоретически, а практически, на самом себе, с неудобствами абсолютизма. Война отнюдь не была его личным делом: русское дворянство, со своей стороны, принесло большие жертвы англо-русской дружбе: в два года было взято 600 тысяч рекрутов — это называлось, правда, милицией, и правительство сначала дало даже обязательство не употреблять ратников ни для чего иного, кроме обороны русской территории, но на самом деле ни один из „милиционеров“ после войны не вернулся в деревню, все они пошли на укомплектование действующей армии. Жертвуя столько рабочих рук, помещики вправе были ожидать, что правительство отнесется к войне серьезно, а оно, Бог весть почему, вдруг уступило „врагу рода человеческого“. Между тем, по крайней мере в Петербурге, вовсе не были еще утомлены войной. Для дворянской молодежи война представляла, кроме того, специальную выгоду: офицеры на время похода освобождались от обязанности платить долги. Война

велась на чужой территории и разоряла пруссаков, а не русских (разоряла в такой степени, что пруссаки весьма откровенно говорили о предпочтительности для них французского „нашествия“ перед русской „дружбой“): ни один неприятельский солдат не ступил еще ногою на русскую почву, а Россия уже сдавалась! Мотивы, повелительно диктовавшие Александру такое решение, для сколько-нибудь широких кругов были тайной: не мог же русский император объявить во всеобщее сведение, что англичане его „разочли“. В глазах дворянской массы

мир был доказательством слабости характера Александра и его неумения вести дела. Его возвращение в Петербург из Тильзита было встречено ледяным молчанием. Его старались „не замечать“, как это делают в приличном обществе с осрамившимися молодыми людьми, и всячески избегали говорить о Тильзите, о мире, о Франции и ее „императоре“ (в частных разговорах это был, конечно, по-прежнему „Буонапарте“)» [15].

Россия опять присоединилась к антибританской континентальной блокаде, что снова ударило по отечественной экономике, — французские закупки русских товаров ни в коей мере не могли компенсировать убытки: цены на железо упали на 60, а на пеньку даже на 75%. Французские дипломаты сообщали в Париж, что в Петербурге зреет новый заговор.

Вот так мог размышлять об уроках истории Николай II и должен был обратить внимание на то, что была влиятельная группа, которая выигрывала от прекращения торговли с туманным Альбионом, это торговцы и промышленники, получившие пол-

«Родись Витте американцем, он стал бы миллиардером; в диких прериях собрал бы неисчислимые стада; в Калифорнии — открыл бы золотую жилу; среди индейцев — стал бы вождем; среди разбойников — атаманом...»

ную свободу действий на Петербургской бирже.

Здесь пока прервем размышления Николая II о политике его предшественников и обратимся к фигуре Сергея Юльевича Витте.

Витте — агент биржи, дикарь, циник, великий государственный

Витте стал отцом российской модернизации, создателем нового политического строя, парламентской монархии, и «ускорителем» революции, чего он, конечно, не желал. И донныне, как и сто лет назад, его то возносят, то проклинаяют.

Витте сформулировал задачи ближайших десяти лет: догнать промышленно развитые европейские страны, закрепить на рынках Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Ускоренное развитие обеспечивалось привлечением иностранных займов, накоплением внутренних ресурсов за счет винной монополии и увеличением косвенных налогов, таможенной защитой промышленности от западного импорта и поощрением экспорта. Государственная монополия на продажу спирта, вина и водки действительно дала бюджету огромные средства. Кстати, «золотая реформа», обеспечив приток иностранных инвестиций, повысила себестоимость зерна, что ударило по помещичьим и крестьянским хозяйствам.

За десятилетие, с 1891 по 1900 г., как и предполагал Витте, про-

мышленное производство удвоилось — с 1493 до 3083 млн руб. Особенно мощно оно развивалась в южнорусских губерниях — угледобыча, металлургия, металлообработка, — куда на работу хлынул поток русских крестьян из центральных губерний, сделавший малонаселенный регион русской Новороссией, «Новой Америкой». В частности, производство чугуна выросло в 3 раза, суровых хлопчатобумажных тканей — на 75%, добыча каменного угля — почти в 2,7 раза. С 1895 по 1899 г. ежегодно строилось 3064 км железных дорог. Нефтяная промышленность вышла на международный уровень, успешно конкурируя с американской. В российскую экономику активно вошел иностранный банковский капитал, преимущественно французский. В итоге доля России в мировом промышленном производстве поднялась до 5% (пятое место в мире). К началу XX в. более 40% действовавших фабрик и заводов вступило в строй в годы этого подъема.

Вообще анализ финансового рынка может открыть малоизвестные явления политической истории России, в том числе и его влияние на природу Февраля, так как противоречия между русскими и иностранными финансово-промышленными группами стали одной из причин крушения империи. Здесь надо учесть одно важное обстоятельство: «Российские банки не были продуктом эволюции российской национальной экономики, напротив, именно они подготовили и проложили дорогу этой эволюции» [16].

Созданная в результате Великих реформ банковская сеть имела, позволительно сказать, не вполне российское обличье (что и заставило Витте отбросить славянофильские идеи). Крупнейшие российские банки контролировались из-за рубежа: Международный банк и Русский банк для внешней торговли — немцами, Петербургский частный банк, Русско-Азиатский, Азово-Донской — французами. Русско-Азиатский имел сильные позиции в железнодорожном строительстве и машиностроении, судостроении, военной промышленности, нефтедобыче, угольной промышленности, металлургии; «немецкие» банки — в машиностроении, электропромышленности, металлургии, железнодорожном машиностроении, судостроении [2, с. 155].

К 1914 г. 55% российских ценных бумаг принадлежали иностранному капиталу. Это позволяло председателю Совета синдиката «Продуголь», члену Совета Министерства торговли и промышленности Н.С. Авдакову рассматривать российский торгово-промышленный капитал как «силу, равновеликую правительству». Впрочем, он несколько преувеличивал, забывая о постоянно используемых правительством мерах государственного регулирования — поддержке Государственным банком частных банков, государственных заказов промышленности, интервенций на бирже, нормировании производства. Они в либеральной прессе получили название «государственный социализм». Уровень личной экономической «свободы» Авдакова, выраженный в окладах и доходах от акций, в 1906 г. составлял около 400 тыс. руб. [9, с. 27].

Министр же получал 22 тыс. руб. в год, а гонорар писателя Льва Толстого (в 1896 г.) — тоже 22 тыс.

Нельзя сказать, что в Петербурге не понимали всей сложности проблемы, связанной с нехваткой презренного металла. Еще предшественник Вышнеградского Н.Х. Бунге позволил выдачу кредитов Государственного банка под торговые операции с зерном. Затем то же было разрешено частным банкам с условием переучета векселей в Государственном банке. Данные кредиты были настолько велики, что превзошли по объемам все кредиты Государственного банка. Были включены принудительные финансовые механизмы в поддержку зернового экспорта: на крестьян оказывалось сильное налоговое давление с целью вынудить их продавать зерно. Требовалось укреплять бюджет.

О последствиях налогового пресса в «Письмах из деревни» А.Н. Энгельгардта есть такая запись: «Дети питаются хуже, чем телята у хозяина, имеющего хороший скот. Смертность детей куда больше, чем смертность телят, и если бы у хозяина, имеющего хороший скот, смертность телят была так же велика, как смертность детей у мужика, то хозяйничать было бы невозможно. А мы хотим конкурировать с американцами, когда нашим детям нет белого хлеба даже в соску? Если бы матери питались лучше, если бы наша пшеница, которую ест немец, оставалась дома, то и дети росли бы лучше, и не было бы такой смертности, не свирепствовали бы все эти тифы, скарлатины, дифтериты. Продавая немцу нашу пшеницу, мы продаем кровь нашу, то есть мужицких детей» [4, с. 481].

В структуре российского вывоза в конце века сельскохозяйственные продукты и сырье составляли огромную долю — 94,4%, а промышленные изделия — 3,5%, полуфабрикаты — 2,1%. В 1861–1865 гг. экспорт хлеба из России оценивался в 56,3 млн руб. (31% от общей стоимости вывоза 181,6 млн руб.), а через 30 лет,

в 1891–1895 гг., — в 296,7 млн руб. В пятилетии 1906–1910 гг. средняя стоимость хлебного импорта достигла 435,3 млн руб., что равнялось почти половине стоимости всего экспорта (41,5%) [14, с. 45].

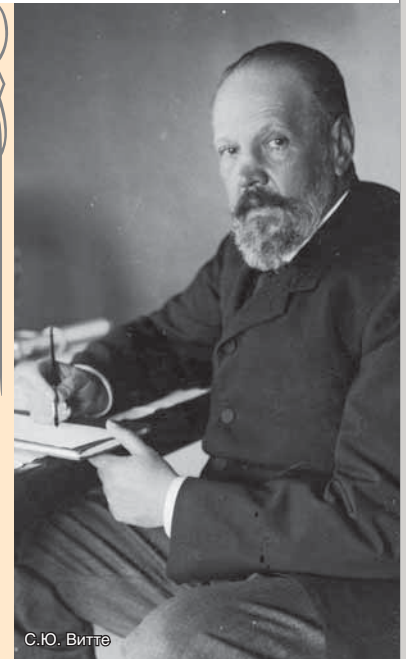
Другими словами, международный аграрный рынок был для России главнейшим, любая его деформация приводила к кризису. При этом внутренняя экономическая политика выжимала из сельских хозяев все соки.

Л.Д. Троцкий говорил, что «Витте — агент биржи», подчеркивая главную особенность министра. Характеристики других людей, лично знавших Сергея Юльевича, более пространны, но не опровергают слова Троцкого.

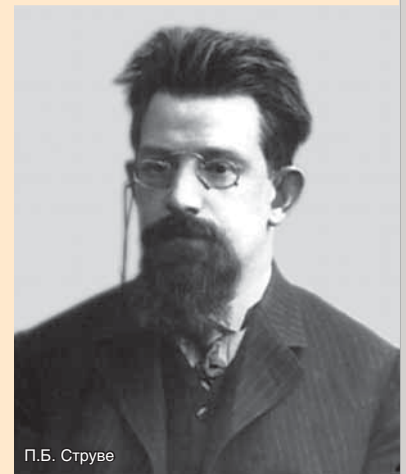
Читаем у П.Б. Струве: «В истории русского управления мало фигур можно поставить рядом с Витте, и одного только человека можно поставить выше его: Сперанского. Но и то не по личной даровитости, которой Витте превосходил всех русских государственных деятелей, облеченных властью, начиная с Александровской эпохи и кончая нашими днями. Витте был, несомненно, гениальным государственным деятелем, как бы ни оценивать его нравственную личность, его образованность и даже результаты его деятельности...» [17].

Струве знал, что говорил. В молодости он работал в Министерстве финансов у Витте (и был им уволен за оппозиционные взгляды). Впрочем, его слова слишком академичны.

У другого автора, И.И. Колышко, который долгое время был очень близок к Витте, трудился рядом с ним, сказано немало фигуристее: «Родись Витте американцем, он стал бы миллиардером; в диких прериях собрал бы неисчислимые стада; в Калифорнии — открыл бы золотую жилу; среди индейцев —

С.Ю. Витте

П.Б. Струве

стал бы вождем; среди разбойников — атаманом. И это не потому, что голова его была полна проектов, что сердце кипело мужеством, что хотелось подвига, — в голове его был часовой механизм организатора, овечье сердце вспухло от страха и жажды земных благ, мстительности и интриганства, а хотелось ему только первоисточника всех наслаждений — власти. Вот именно этот подход к власти, как к тучному коровьему вымени, и делал его у власти дикарем... Дикарем он ворвался на российский Олимп и дикарем его покинул» [18, с. 399].

Обвинения со стороны интеллектуала Струве в отсутствии у Витте «моральных устоев» — это больше литературный образ. Будь у министра эти самые «устои», он был бы вынужден оставить пост после завершения первого этапа индустриализации. Если говорить о его «гениальности», то надо, видимо, принять и его «аморальность». Витте только в 1890-е годы делал ставку на промышленников, в дальнейшем он стал «агентом» финансовой олигархии, что отвечало духу времени.

Посмотрим, что пишет И.И. Кольшко: «Прежде чем перейти ко второй, пореформенной эпохе властвования над Россией Витте,

хотелось бы хоть поверхностно зафиксировать след, оставленный на русской жизни его молниеносными материалистическими реформами. След этот ярче всего обозначался в местах людского скопления — в столицах, фабричных и торговых центрах. И он весь отобразился в явлении, до Витте чуждом России, — на спекуляции деньгами и ценностями, на поднятии со дна жизни к поверхности ее лиц и учреждений, руководивших этой спекуляцией. Я имею в виду банки. В нищей, полуголодной стране трепался весь обмотанный роскошью, весь просоченный жадностью, сотканный из бездушия и эгоизма, банковский сгусток. Отделившись от отощавшего русского тела, сгусток этот попирал расступавшуюся перед ним толпу. Апогея цинизма он достиг в разгар Великой войны, вспухнув до гомерических размеров при Керенском, чтобы лопнуть у ног Ленина» [19].

В конце концов Витте в своих интригах и комбинациях запутался.

Банкиры — новая власть в России и в «государстве Витте»

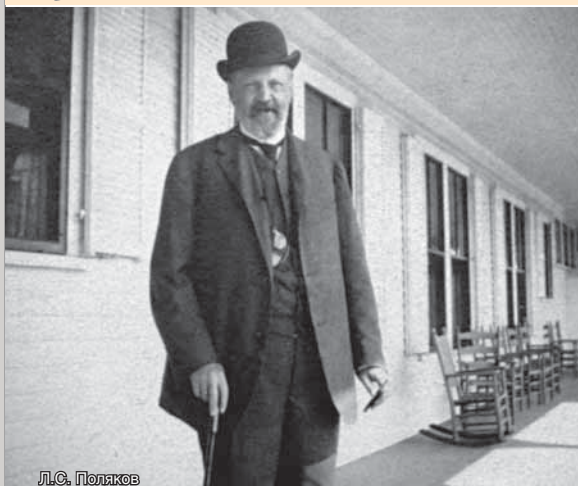
Развитие банковской системы являлось важнейшим условием модернизации и должно

было привести к созданию нового центра власти и вызвать ослабление власти коронной. Но кто задумывался о таких последствиях?

Вообще российские банки могли возникнуть только из капиталов не вполне стерильных и усилиями (кроме государственной бюрократии) вчерашних откупщиков, коррупционеров-чиновников, спекулянтов-торговцев и прочих далеко не благородных персонажей.

По свидетельству И.И. Кольшко: «Русские банки времен Витте из объектов истории стали субъектами ее. Они оперировали почти целиком на средства Государственного банка. Администрация этих банков при фикции выборности была по существу чиновниками Министерства финансов. А так как биржу составляли именно они, то ясно, что и биржа, с ее взмахами вверх и вниз, с ее аппаратом обогащения и разорения была филиалом Министерства финансов.

Чтобы сделать банки гибче и услужливее, Витте выписал для руководства ими немецких и австрийских банковских служащих и создал банковские уставы, делавшие эти учреждения пешками в руках его кредитной канцелярии.

Л.С. Поляков

Банкирский дом Полякова

Схема была простая. К Витте обращались русские или иностранные предприниматели. Вносили устав. Дело обделывалось посредниками. Уставы, прошения, гарантии — все это были формальности предпринятого дела. Но когда кончали с формальностями, Витте обычно ставил условием, чтобы дело финансировалось тем или иным более или менее ему удобным банком. Это значило, чтобы данный банк выпустил в публику данные акции и внес в Государственный банк часть обусловленного акционерного капитала. Само собою разумеется, что выбор этого банка был заранее предпринят — первую свою мзду „посредники“ получали с этого банка. И банк этот раньше официальных шагов успевал условиться с людьми Витте. Словом, дело делалось в двух плоскостях: официальной и частной.

В большинстве случаев авансы получались тогда, когда и устав еще не был написан. В крупных же размерах дележка начиналась по выпуске акций. Министр финансов устанавливал не только номинальную, но и выпускную цену акций. Собака зарыта была в последней. Если, например, сторублевую акцию запускали на биржу по 125 руб., то с одного маха зарабатывалась одна четверть акционерного капитала (то есть миллионы). Но выпускная цена была лишь фикцией: новые акции, еще до появления их на бирже, вздувались и проникали в публику по двойной и тройной цене. Миллионные барыши помножились на два, на три, на десять. Акции, например, пресловутого Золотопромышленного общества, впоследствии переименованные в Ленские акции („Лена Захаровна“), акции Парвиайнен, Табачные, Салотопы, Лесные и другие, доставались публике чуть ли не по удешевленным ценам. Это был заработок банков — законный.

Крупнейшие российские банки контролировались из-за рубежа: к 1914 г. 55% российских ценных бумаг принадлежали иностранному капиталу.

Это была премия банкиров. Из нее выплачивались маклерские „посредникам“, проводившим дело чиновникам, поездки, кутежи и расходы по делу. Второй, высший сорт участников, получал не деньгами, а акциями» [19, с. 132–133].

Витте был уверен, что, держа в руках финансы, он в состоянии всех переиграть. Конечно, это было дерзко и несколько самонадеянно. Коронная власть, можно сказать, сжав зубы, признавала необходимым существование многих банков и банкиров, и, соответственно, министр Витте при всей его одаренности не мог повернуть время вспять.

Одним из источников накопления капиталов была система винных откупов, отмененная только в 1863 г. На откупках разбогатели многие, одни были русскими купцами, другие — распорядителями финансовых средств еврейских общин. К слову сказать, первичный капитал предпринимателей-старообрядцев тоже опирался на общинные накопления.

Бурное строительство железных дорог открыло небывалые возможности откупщикам, а также ряду близких к власти дворян. Грюндерство (учредительство) акционерных обществ по строительству дорог и дальнейшая их перепродажа или получение огромных доходов от государственных субсидий вывела к вершине российского капитализма новые фигуры.

«Частные по форме железнодорожные предприятия дей-

ствовали за счет казны. В таких условиях, когда правительственная гарантия обеспечивала прибыли и предотвращала убытки, когда благоволение власти имущих могло заменить концессионеру миллионные капиталы, фаворитизм и коррупция расцветали пышным цветом. Разбогатевшие концессионеры, железнодорожные „короли“ П.Г. фон Дервиз, К.Ф. фон Мекк, С.С. Поляков, В.А. Кокорев, Л.Л. Кроненберг, И.С. Блюх и другие со своими высокими покровителями просто грабили казну, особенно в 1870 годах» [18, с. 47].

Переплетение частных экономических и государственных возможностей породило влиятельные группы акционерных банков, которые, как, например, банкирский дом Лазаря Полякова, учреждали железнодорожные общества, строили железные дороги, занимались сельским хозяйством, развитием торгового мореплавания и даже международной политикой, представляя интересы правительства в Персии.

Бытовое свидетельство отношения высших чиновников к банкирам приводит Н.Е. Врангель: «Князь (министр иностранных дел А.М. Горчаков) был очень богат и, как многие богачи, очень скуп, а потому постоянно совещался с разными банкирами — Штиглицем, Френкелем и другими — о помещении своих капиталов».

Мой дядя Александр Астафьевич Врангель, приятель Горчакова, узнав о моем намерении поступить в министерство, переговорил с князем, и тот изъ-

явил согласие. И я с прошением в кармане отправился к нему. (Оказалось, что министр отменил прием посетителей, так как ждет какое-то важное лицо. Но секретарь, спросив фамилию, пропустил Врангеля. И тут случился конфуз. — *Примеч. авт.*) Не успел я взойти в залу, как из кабинета, семена ножками, мне навстречу выбежал князь в каком-то странном сюртуке и в ермолке и как вкопанный остановился:

— Какая дерзость. Как вы посмели ворваться, когда нет приёма? — И, не ожидая ответа, повернулся и убежал.

Я сконфузился и вышел.

Оказалось, кто-то „ошибку давал“ и Врангеля перепутал с Френкелем, банкиром, которого Горчаков ожидал» [7].

Конечно, министру были интереснее банкир, чем какой-то Врангель, по материнской линии прямой потомок поэта Пушкина, соученика Горчакова по Царско-сельскому лицей!

Академик Б.В. Ананьич, исследователь банковской практики в империи, отмечал исключительную роль в учредительской кампании акционерных банков, биржевых спекулянтов и банкирских домов, которые действовали вместе с «князьями, чиновниками, генералами, адмиралами, купцами, профессорами». В начале 1870-х годов выдвинулась «семья Поляковых, организовавшая и „контролировавшая“, выражаясь современным термином, целую систему кредитных учреждений» [20].

Крупные акционерные коммерческие банки заняли лидирующее положение в финансовой жизни страны.

Сокрушающий удар по авторитету имперского правительства был нанесен с приисков

дома Гинцбургов в результате «Ленского расстрела». Требование рабочих об увеличении на треть заработной платы было отвергнуто, его удовлетворение «понижило бы прибыли Товарищества на сумму более миллиона трехсот тысяч рублей». «Погоня за прибылями обернулась трагедией на Ленских приисках, покрывшей позором и членов правления Ленского золотопромышленного товарищества» [20, с. 62].

«Если бы наша пшеница, которую ест немец, оставалась дома, то и дети росли бы лучше, и не было бы такой смертности, не свирепствовали бы все эти тифы, скарлатины, дифтериты...»

И здесь необходимо сказать, что за ленскими золотопромышленниками стояли большие силы, не одни только банки, включая Государственный банк. В создании Товарищества активно участвовали близкие Витте деятели — А.И. Вышнеградский (сын бывшего министра финансов, бывший вице-директор особенной канцелярии Министерства финансов, член правления Русско-Китайского, Международного коммерческого банков) и А.И. Путилов (председатель правления Русско-Азиатского банка, бывший директор общей канцелярии Министерства финансов). Кредитовали Товарищество Учетно-Ссудный банк Персии (Поляковых), Петербургский международный коммерческий банк и его отделение в Варшаве, *London Joint Stock Bank*, одесские банкирские дома «Давид Рафалович», «Федор Рафалович и Ко», «Ефрусси и Ко».

Обратим внимание, что среди акционеров «Лена Голдфилдс», которой принадлежали 75% акций Товарищества, были сам С.Ю. Витте (к тому времени уже в отставке) и императрица

Мария Федоровна (мать Николая II) [9, с. 1216].

Влиятельность банкиров Гинцбургов особенно подчеркивает следующий факт. Один из Гинцбургов, Габриель (Гавриил), участвовал в совершенно секретной операции, в коммерческом прикрытии продвижения империи на Восток, создании российских лесопромышленных предприятий в Корее (так называемая Безобразовская клика),

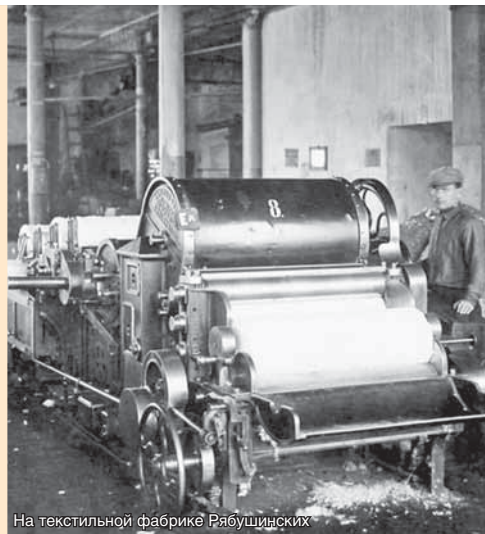
которые по просьбе самого Николая II возглавлял великий князь Александр Михайлович. Габриеля Гинцбурга называли «корейский гений Лесопромышленного товарищества».

Иная история у огромного бизнеса братьев Рябушинских. Они в своем роде уникальны, так как находились в стороне от государственных финансов и всегда, когда тайно, а когда и вполне открыто, были оппозиционны коронной власти.

Приведем наблюдение активного участника процесса российской индустриализации Н.Е. Врангеля: «Промышленность стала рабом банков. Банки скупали акции предприятий, ставили во главе их своих людей, и те совершали от имени этих предприятий сделки, невыгодные для них, но полезные другому предприятию, находящемуся у тех же банков в руках. Затем акции первого продавались заблаговременно на бирже, а акции второго взвинчивались и, когда достигали ничем неоправданной высоты, спускались публике. Словом, промышленность, как и все остальное, болела» [7].

Г.О. Гинцбург, глава финансовой династии Гинцбургов

На текстильной фабрике Рязущинских

Главы четырех семейных фирм Морозовых

Империя на внешних рынках и далее — в направлении мировой войны

Вернемся к великим железнодорожным дельцам, стремившимся выйти за границы России.

Великолепны были попытки Гинцбургов и Поляковых получить в начале 1880-х годов с помощью правительства концессию на строительство в Болгарии железной дороги София — Русчук и на учреждение в Софии национального банка. Они видели направление внешней политики — на Восток, на Балканы, куда указывало повелительное стремление российского зернового и промышленного экспорта.

Самуила Полякова поддержал обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев, передавший Александру III письмо предпринимателя с предложением скрытного приобретения акций турецких и болгарских железных дорог с помощью синдиката банков и при посредничестве голландской биржи. Создание синдиката должно было придать всему делу «вид исключительно частного интереса», «а затем, через некоторое время, с такою же

осторожностью и втихомолку русское правительство могло бы приобрести эти акции в свои руки». Поляков подчеркивал, что российское Министерство иностранных дел не способно вести такие дела, оно «только мешало устройству на иностранных рынках тех важных для политики коммерческих операций, которые иностранцы, напротив того, совершают на нашем рынке свободно и беспрепятственно. Наша Донецкая дорога перешла вся в руки немцев, успевших скупить акции, и управляется из Берлина, а мы не могли устроить нигде подобной операции».

Поляков предупреждал, что железные дороги в Европейской Турции и Болгарии, находившиеся «в аренде у компании австрийских капиталистов», могут попасть «в английские руки». Железнодорожный делец и предприниматель демонстрировал завидное понимание задач и методов империалистической экспансии. «Владеть железными дорогами на Востоке, — писал он, — значит владеть фактически страной. Итак для нас было бы великою силой, когда бы железные дороги в Турции, Болгарии, Сербии и пр. могли бы быть в русских руках» [20, с. 104].

Так же упорно двигался в сторону Средней Азии, Балкан, Персии и Китая текстильный магнат Тимофей Саввич Морозов, который не жалел средств на организацию экспедиций по изучению тамошних условий торговли. Этот знаменитый старообрядец, кроме финансирования Московского императорского университета и других учебных заведений и больниц, во время русско-турецкой войны в 1877 г. снарядил отряд генерала М.Г. Черняева и «Болгарскую дружину» воинов — старообрядцев.

Предложение Полякова вызвало одобрение Александра III, но без финансовой поддержки. Это означало, что еще не пришла пора для подобной экспансии. Зато персидское направление вскоре было актуализировано.

Здесь необходимо более широко рассмотреть международную политику империи — с точки зрения Александра II и Александра III, ведь не будем же говорить, что их наследник начинал с чистого листа.

Пореформенная Россия — это уже новая страна, развивающаяся с иными скоростями. Железные дороги, телеграф, электричество преобразуют ее

Александр III

Отто фон Бисмарк

жизнь, стимулируют внутренний рынок, науку и образование. Мир тоже изменяется, отменяется рабство в Соединенных Штатах, в Японии идет «революция Мэйдзи», Пруссия объединяет немецкие княжества сначала в Северогерманский союз, а затем в Германскую империю, объединяется Италия.

Появление единого германского государства изменило баланс сил в Европе и, соответственно, положение России. Берлин, желавший укрепиться, и Петербург, ставший изгоем после Крымской войны, были заинтересованы в союзе. В 1864 г. Пруссия отвоевала у Дании герцогства Шлезвиг и Гольштейн, населенные преимущественно немцами, — Россия отнеслась к этому нейтрально; в 1866 г. Пруссия разгромила Австрию — Россия тоже не вмешалась. В 1870 г. Германия при дружественном нейтралитете России победила Францию — и Россия заявила об отмене статей «послекрымского» Парижского договора 1856 г. о нейтрализации Черного моря. Наполеон III попал в плен к немцам, и таким образом российское правительство получило удовлетворение за поражение в Крымской войне. Добавим, что англичане не увидели для себя опасности в усилении немцев и были удовлетворены поражением Франции, своего конкурента на Ближнем Востоке и в Африке.

Протекционистская политика немецкого канцлера Бисмарка привела к быстрой индустриализации Германии, и уже в 1877 г. германские товары составляли 46% в российском импорте. В 1870-х годах Германия опередила Британию по объему торговли с Россией почти на 50 млн руб. Рынок Германии открывал для России новые возможности.

В это время на восточном направлении картина была иной. Начиная с крымского поражения Россия была вынужде-

на искать на нем компенсации и снова сталкивалась с английскими интересами. Генерал А.Е. Снесарев, один из лучших российских востоковедов, писал: «Гибель нашего средиземноморского флота пресекла в корне наши завоевательные тенденции, связанные с проливами и Царьградом. Но та же гибель, слишком принизившая нас по отношению к Англии, заставила искать иных дорог для восстановления нашего на нее влияния или, правильнее, — ее от нас зависимости. Крымская война, главным образом, выявила смысл наших будущих подходов к Индии, то есть вскрыла существо среднеазиатской проблемы. Хотя было ясно, что мы в Средней Азии еще слишком слабы и вести наступательную операцию против Индии не можем, но уже важно было теоретическое или пока что кабинетное сознание, что дорога к восстановлению нашего международного равновесия с Англией пролегла по Средней Азии, а не направлялась, как раньше, к Средиземному морю и что пока далеким фонарем, освещающим этот крупный путь, была Индия» [21].

Геополитическую задачу подкрепляла торгово-экономическая. В 1859 г. журнал «Вестник промышленности» опубликовал статью Гавриила Каменского «Англия — страшный соперник России в торговле и промышленности». В ней шла речь об ужесточившейся после крымского поражения конкуренции в Центральной Азии со стороны Лондона. Еще недавно российские караваны с товарами шли в среднеазиатские ханства, Кабул, Герат, Кашгар, в Северную Персию, Белуджистан и Лахор. Теперь же для английской промышленности «открыт свободный и удобный доступ в Среднюю Азию... Нашему отечеству таким образом угрожает сильное соперничество в его торговле на Востоке».

На эту конкуренцию последовал ответ: в 1860-х годах произошла масштабная колонизация Средней Азии, были завоеваны Кокандское ханство, Бухара, Хивинское ханство. В итоге Россия, кроме решения геополитической проблемы (возможности постоянно угрожать Индии и отвлекать англичан от Балкан и Европы) получила контроль над хлопкосеющим регионом, ставшим сырьевой базой для российской текстильной промышленности.

Российские банки могли возникнуть только из капиталов не вполне стерильных и усилиями вчерашних откупщиков, коррупционеров-чиновников, спекулянтов-торговцев и прочих далеко не благородных персонажей.

«Вот так и получилось, что русские всего за десять лет аннексировали территорию размерами в половину Соединенных Штатов и установили поперек Центральной Азии защитный барьер, простирающийся от Кавказа на западе до Коканда и Кульджи на востоке. Те, кто отвечал за оборону Индии, крайне встревожились» [22].

На этом очередная серия русско-английского противостояния завершилась. Летом 1875 г. оно вспыхнуло на другом фронте, когда началось антитурецкое восстание в Герцеговине, где турецкие сборщики налогов попытались вторично взять налоги, уплаченные за несколько дней до этого. Восстание охватило все Балканы — Сербию, Боснию, Черногорию и Болгарию. В мае 1876 г. турки вырезали 12 тыс. болгарских повстанцев. Тогда же Австрия, Германия и Россия приняли меморандум о прекращении военных действий и дипломатическом урегулировании требований восстав-

ших христиан. Меморандум поддержали Франция и Италия, но Англия отказалась, усматривая в ослаблении Турции опасность новой попытки России выйти к Ближнему Востоку. С критикой протурецкой линии правительства консерваторов выступила английская оппозиция.

Турция не приняла меморандум, наступление на Балканах продолжилось, и в ответ туда из России стали поступать оружие, амундация, оборудование для го-

спиталей, более 20 млн руб. частных пожертвований; император Александр II лично пожертвовал 10 тыс. руб. Прибыло около пяти тысяч добровольцев, среди них были знаменитые художники В.Д. Поленов и К.Е. Маковский, писатель Г.И. Успенский, врач С.П. Боткин и Н.В. Склифосовский.

Россию охватил огромный эмоциональный порыв, его возглавили «Московские ведомости» Каткова, в которых Иван Аксаков заявил: «Я раскачаю этот колокол!».

Россия, подталкиваемая общественными настроениями, все же начала войну, которая завершилась ее победой. 31 марта 1878 г. в Сан-Стефано, у ворот Константинополя, был подписан предварительный мирный договор; по нему Черногория, Сербия, Румыния получили полную независимость, а Болгария становилась автономным княжеством, Босния и Герцеговина должны были получить самоуправление.

Кроме того, к России отходило устье Дуная, Добруджа (передавалась Румынии в обмен на Бессарабию), города в Малой Азии — Ардаган, Карс, Баязет и черноморский порт Батум.

Но такой исход не мог устроить ни Австрию, ни Англию. Российское усиление на Балканах было неприемлемо, особенно создание Великой Болгарии с выходами в Черное и Эгейское моря и кратчайшим сухопутным путем в Константинополь.

Австрия демонстративно объявила мобилизацию в Далмации и в районах вдоль Дуная и Савы. Английский флот готовился войти в Дарданельский пролив. Тогда Александр II отдал приказ занять турецкую столицу, и после этого английское правительство отозвало эскадру.

В далеком Туркестане генерал-губернатор К.П. Кауфман приготовил 30-тысячную армию к походу на Индию.

Россия оказалась в сложном положении, дело явно шло к новым боям. Ей пришлось сосредоточить войска на границах Сербии и Трансильвании, закупить у Соединенных Штатов множество судов, готовясь к каперской войне, и искать пути к отступлению.

Далее последовала фантастическая дипломатическая комбинация. Вот как ее описывают французские историки.

«Болгарская кампания уже обошлась им в четыре с лишним миллиарда, кредит России был почти исчерпан. Вот почему Александр весьма благоразумно решил вступить в непосредственные переговоры с Англией и обезоружить ее уступками; эти уступки были внесены в особый меморандум, подписанный в Лондоне 30 мая 1878 г. Россия приносила в жертву Великую Болгарию и отказыва-

Пореформенная Россия — это уже новая страна, развивающаяся с иными скоростями. Железные дороги, телеграф, электричество преобразуют ее жизнь, стимулируют внутренний рынок, науку и образование.

лась от части своих завоеваний в Азии; Англия, твердившая, что действует в общих интересах, а в действительности имевшая в виду исключительно английские интересы и охрану своих сообщений с Индией, приняла все остальные условия договора. 4 июня она подписала тайный договор с Портой, по которому обязывалась защищать азиатскую Турцию от всякого нападения России; в уплату за эти будущие услуги она выговорила себе право занять остров Кипр. Получив таким образом то, что ей было нужно, она была готова отправиться на конгресс, в полной уверенности, что там ее, в свою очередь, поддержит Австро-Венгрия, которой она обещала Боснию и Герцеговину» [23].

13 июня 1878 г. в Берлине случилось дежавю финальной части Крымской войны: под председательством Бисмарка открылся конгресс, в работе которого участвовали государства, подписавшие Парижский трактат 1856 г. Все делегации были против российской. Даже Франция, не проявлявшая после франко-прусской войны большого интереса к восточному вопросу, была на стороне Англии и Австрии, чтобы не рисковать своими капиталовложениями в Турции.

Лондон получил все, что хотел. Баязет возвращался Турции, что позволяло Англии сохранять контроль над путями на Средний Восток. Ей передавался остров Кипр, что укрепляло ее в Азиатской Турции, на путях к Египту и Персидскому заливу и ослабляло влияние России в Малой Азии.

Батум оставался за Россией, но объявлялся «порто-франко» (порт беспошлинной торговли), что урезало выгоды обладания им (в 1886 г. Александр III отменил это условие). За Россией оставались крепости Карс и Ардаган, однако их стратегическое значение испарилось: проходы через Согоанлукский хребет, ведущие к Эрзеруму, возвращались Турции, это затрудняло продвижение к Босфору сухопутным путем через Малую Азию. Южная Бессарабия все-таки становилась российской.

Сербия, Черногория и Румыния признавались независимыми, но и здесь сложились сербов, надеявшихся объединиться, резко ослаблялось австрийским контролем — размещением гарнизонов между Сербией и Черногорией в Новопазарском санджаке, который оставался за Турцией. А Черногория, получившая на Адриатическом море порт Антисари, не имела права иметь флот, морской и санитарный контроль в ее водах передавался Австро-Венгрии.

Таким образом, победив в кровопролитной и затратной войне, Россия проиграла дипломатически и была вынуждена уступить основные экономические и политические выгоды, они достались Англии и Австро-Венгрии.

Глубоко продвинувшись на Балканах, Австро-Венгрия теперь стала участником средиземноморского соперничества, что качественно изменяло ее отношения с Россией и Германией. Если конкуренция с первой приобрела постоянный характер, то

союз со второй становился стратегическим.

Соответственно, и Англия, которая традиционно избегала участия в европейских коалициях и руководствовалась постоянной целью противодействовать наиболее сильной на текущий момент континентальной державе, должна была пересмотреть свою внешнюю политику. ■

ПЭС 16004/15.01.2016

Продолжение следует

Источники

[1] – [14] см. в № 1/2016, с. 117.

15. Покровский М.П. Русская история с древнейших времен. Часть 2 [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/pokrovskiy_m_n/pokrovskiy_m_n_rus_ist2.html.

16. Эпштейн Е.М. Российские коммерческие банки (1864–1914). Роль в экономическом развитии России и их национализация / Пер. с франц. А.А. Елистратова. М.: РОССПЭН, 2011. С. 79.

17. Струве П.Б. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики / Струве П.Б. Patriotica: Россия. Родина. Чужбина. (Составление и предисловие А.В. Хашковского). СПб.: РХГИ, 2000. С. 182–183.

18. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. М.: Дмитрий Буланин, 2000.

19. Кольшко И.И. Великий распад / Составление и предисловие И.В. Лукоянова. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 131.

20. Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука, 1991. С. 134.

21. Снесарев А.Е. На страже национально-государственных интересов и военной мощи России // Афганские уроки: выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. М., 2003. С. 37.

22. Хопкирк П. Большая игра против России: Азиатский синдром / Пер. с англ. И.И. Кубатько. М., 2004. С. 417.

23. История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Т. 7. Конец века. 1870–1900. Часть 1. С. 444.